

УДК 342(470+571)

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ф. А. Вестов

Саратовский государственный университет
E-mail: vestovfa@mail.ru,

В статье речь идет о концептуализации роли правового государства в политическом процессе европейских стран и специфике политического развития России, о тех факторах, которые определяют особое отношение к возможностям и перспективам укрепления правового государства в процессе модернизации современной России.

Ключевые слова: правовое государство, концепции правового государства, либеральные доктрины, политическая субъектность, политическая модернизация.

Legal State and Specifics of Political Development in Russia

F. A. Vestov

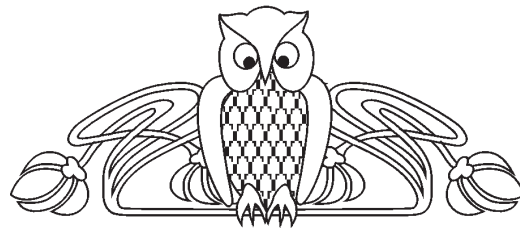
The article is devoted to the conceptualization of the legal state role in the political process going on among the European countries, and to the specifics of the Russian political development. It considers also the factors that determine the special attitude to the possibilities and perspectives of strengthening of legal state in Russia during the process of modernization in present day Russia.

Key words: legal state, conception of the legal state, liberal doctrines, political subjectivity, political modernization.

В научных дискуссиях по проблемам правовой государственности в России довольно часто на вопрос «Зачем нам нужно правовое государство?» исследователи дают ответ: «Чтобы соответствовать стандартам культуры, демократичности, в широком смысле – цивилизованности». Этот ответ обнаруживает, что патерналистские установки, упование на то, что именно государство решит все проблемы за себя и за общество, свойственны интеллектуальному сообществу России в не меньшей мере, чем массовому сознанию, по отношению к состоянию которого интеллектуалы всегда высказывались довольно критически.

Парадоксально, но такой ответ предполагает к тому же, что мы обладаем достаточно системным представлением о мировом опыте функционирования правовых государств и столь же системным представлением о том порядке действий, в результате которых на свет появится российское правовое государство. Разнообразные по времени и месту действия эксперименты с правовой государственностью в теории и на практике привели к достаточно противоречивым результатам.

Где-то правовое государство стало основой стабильного политического и экономического развития, а где-то, как в России, например, в последние два века, попытки его создания оборачи-

вались кризисами, социальными конфликтами и легитимацией в массовом сознании режимов, ориентированных на неправовые принципы политики и управления. «Считается, что без государства демократия невозможна. И в общем плане это, конечно, верно: демократия не может существовать в “безгосударственном” пространстве, она в качестве современной практики является вариантом взаимосвязи государственных и гражданских институтов. Однако в существующей теоретической и эмпирической литературе нет достаточно четкой концептуализации и дифференциации типов государственности и их взаимосвязи с вариантами и траекториями режимных изменений»¹.

Ожидаемая системность не кроется за этим ответом уже потому, что никто стандартов демократичности и цивилизованности никогда не устанавливал и никто обязательной зависимости между демократическим и правовым характером государственности не обнаруживал. Точно так же, как не обнаруживается такой жесткой взаимозависимости демократии и рыночной экономики. Та и другая связи существуют в сознании современников как некое допущение, преимущественно теоретическое, точнее сказать – идеологическое, позволяющее предполагать и, если говорить о его идеологической направленности, верить, что светлое будущее человечества связано с демократией и ни с чем другим. Верить, что и движение к этому будущему не окажется хаотическим, а будет введено в определенные рамки, выверенные наукой.

Но эта позиция при всей ее уязвимости выдает существование в научном сообществе потребности в неких четких индикаторах, по которым наука могла бы определять направленность и меру прогресса современных социально-политических систем, меру их приближения к тому самому светлому будущему. Должно быть что-то, выполняющее, образно говоря, роль сертификата качества политических отношений. Что-то, что позволяет идентифицировать в политическом процессе лидеров и аутсайдеров или тех, кто принципиально идет своей политической дорогой. Таким «сертификатом качества» стало правовое государство (в качестве идеи и в качестве определенного институционального оформления политических и административных процедур).

Дежурной темой для исследований, проводимых отечественными политологами, стала модернизация в России. Обсуждается смысл, который

можно и нужно вложить в это понятие, спектр тенденций в экономике, культуре и политике, которые можно было бы подвести под это понятие, изменения в мотивациях поведения граждан и многое другое. При этом умалчивается важный для изучения российского политического процесса вопрос: модернизация не может длиться вечно, и если нам известен начальный момент этого процесса, которым формально можно считать официальное провозглашение курса на модернизацию, то относительно конечного момента существует полная неясность. Когда модернизацию можно будет признать законченной и на основании каких показателей? Нужен ряд индикаторов, по которым не только специалисты, но и рядовые граждане в массе своей могли бы судить о реализованности одной из важнейших стратегий современной политики. Причем такой индикатор, значимость и достоверность которого ни у кого из внешних и внутренних наблюдателей российского политического процесса сомнений не вызывала бы.

Пожалуй, единственным претендентом на роль такого индикатора может быть государственный механизм. Политическая наука в России вместе с философской и исторической науками, а также всей системой государственной идеологической пропаганды советского времени так долго прививали массовому сознанию подданных и граждан российского государства мысль, что все в их прошлом, настоящем и будущем определяется состоянием государства, что это убеждение действительно стало частью ментальности российской нации. Тем более что исторический опыт самой нации этому убеждению не противоречил. И второй аргумент. Государство является осью движения всей политической системы, и по качеству этой оси можно судить о том, пришла система или нет в состояние, при котором она может двигаться вперед со скоростью, превышающей прежние. Переход государственного механизма в новое качество, обозначаемое понятием «правовое государство», до сих пор служит для историков и правоведов очень точным индикатором для определения того рубежа, на котором жизнь большинства европейских социально-политических систем повернула в либерально-демократическое русло. Следовательно, нет формальных препятствий к тому, чтобы и для оценки состояния модернизационного процесса в современной России использовать этот индикатор.

Использование такого масштабного и сложного по внутренней организации индикатора сопряжено с необходимостью научного анализа ряда принципиальных проблем. Первую из них можно сформулировать следующим образом. Если принять во внимание, что речь идет о приобретении правового качества не государством вообще, а именно либерально-демократическим государством, каковым на протяжении последних десятилетий очень постепенно и с большими трудностями становилась Россия, то допустимо пред-

положить, что как минимум функция ключевого индикатора могла бы быть распределена между социальными и государственными механизмами, между их состояниями на том этапе модернизации, который политолог собирается оценивать. В истории европейской и российской науки демократически настроенными исследователями из числа историков, социологов и политологов неоднократно предпринимались попытки написать вместо «истории государств» альтернативные «истории народов», вместо разработки политических программ реформирования государственного строя разработать планы замены государственного управления общественным самоуправлением. Иными словами, не прямо, но вопрос этот был поставлен наукой достаточно давно.

За и против такого допущения тоже можно привести некоторые аргументы. В европейской истории судьбы государств складывались различно. Бывало так, что государство действительно на длительных отрезках политического процесса выполняло роль системообразующего центра всей политической, экономической и культурной жизни, когда люди были искренне убеждены, что без верховной власти жить нельзя, так же как не может быть «земли без сеньора». Порой, напротив, как это было с Французским королевством в период Столетней войны, с Английским королевством при Иоанне Безземельном и в период войны Алой и Белой Роз, с Польшей и Венгрией в XVIII и XIX столетиях, государственность становилась «разменной монетой» в борьбе политических интересов и амбиций различных элитарных и социальных групп. По-разному складывалась в истории и судьба европейских социумов. Они разными путями шли к политической идентичности (идентичности нации) и достигли на этом пути разных результатов – вполне сопоставимых по своей противоречивости с результатами развития государственных начал европейской жизни.

Наука учитывала эту историческую вариативность политической субъектности социумов и государств. Уже в XVII–XVIII вв. европейские мыслители предпочитали говорить о «народах» и «странах» во всемирной истории и «государствах», чья судьба зависит от «характера народов» и климатических характеристик «стран»². Государства в Европе превращались для науки во всеобщий эталон политического прогресса, по мере того как становились национальными, гарантиями реализуемости национальных интересов во внутренней и внешней политике. Именно вокруг этого выстраивалась вся системность представлений о государстве и на этой почве рождалось представление, что системность права, достигнутая к этому времени, может быть перенесена на государство и на представления о государстве, если само это государство станет правовым, подчинит систему своих действий и интересов системе правовых норм.

Почему так сложилось, почему системность представлений о праве была перенесена наукой на государство, а не на «народы», о которых любили рассуждать европейские мыслители прошлого? Вероятно, потому, что, если за критерий взять состояние другого ключевого субъекта исторического процесса, общества, корректность использования этого индикатора в качестве универсального будет под еще большим вопросом. Не случайно, когда в прежние времена и сегодня у сторонников идеи цивилизационной самобытности того или иного пути развития возникает потребность эту самобытность доказать, то они обращаются к чертам личности социальной структуры в разы чаще, чем к чертам личности государственной структуры.

Любой самый «типичный» социум, настолько типичный, что исследователи считают возможным говорить о соответствии его неким «стандартам» демократичности и гражданственности, в реальности всегда оказывается гораздо более сложным и уникальным образованием, чем самое «самобытное» из государств. Современные процессы политической, экономической и культурной глобализации выявили тенденцию к тому, что государственная организация существенно упрощается в своих принципах и формах. То и другое применением военной силы, «мягкой силы», экономическим и культурным давлением на национально-государственные элиты и массовое сознание приводится в соответствие не слишком приспособленному к гибкому реагированию на страновые особенности «стандарту цивилизованности, демократичности и прогрессивности», который был порожден геополитическим лидерством США в XX столетии и сегодня отражает это сохраняющееся доминирование.

Общества же, напротив, усложняются. Не только за счет миграционных потоков³, которые вместо превращения либеральных социумов в «плавильный котел» этнических идентичностей превращают их в поле жесткой конкуренции за доминирование одних этнокультурных, правовых и экономических идентичностей над другими. Но и за счет того, что они развиваются в качестве гражданских структур, которым упрощающееся в своих функциях государство передает добровольно или вынужденно (в результате «цветных революций» и международных конфликтов, например) все больше прав и ответственности в области текущей политики и управления, чем стимулирует возникновение новых социальных, идеологических, правовых и культурных стратификаций.

Специалисты видят в этом принципиальное отличие современного этапа мирового демократического процесса от его предшествующих этапов. Если раньше общество в борьбе за свою политическую субъектность опиралось на революционную или какую-то другую идею, его политическое поведение было идеологически мотивированным,

то нынешнее «цветные революции» являются «безыдейным процессом»⁴.

В центре системы мотиваций сегодня находится создание новых социальных структур, особенно элитарных, новых форм гражданского ассоциирования. При том, что во всех этих новых формах не заложено какой-либо новаторской идеи, какого-либо новаторского проекта будущего. Идеино они часто ориентированы на реанимацию социальных традиций. Зато в них заложено представление о возможности для общества, в отличие от организованного по «либеральному стандарту» государства, бесконечно совершенствовать свою структуру и свои функции на основе традиций и просто потому, что общество первичнее и больше государственного механизма. В этом отношении никакая конституция полномочий общества как политического субъекта и суверена не ограничивает.

Самый «типичный» социум всегда предстает перед исследователями в виде ряда настолько уникальных форм и смыслов организации, в силу чего им приходится прибегать к некоторым мистификациям и даже сакрализациям реальности, например, говорить об «особой ментальности» данного социума, особом «народном духе». При сравнительном анализе обнаруживается, и довольно часто, что черты «ментальности» и «духа» у разных социумов примерно одинаковы, особенно если эти социумы сходны по уровню организации и масштабу своего исторического и политического опыта. Но это не останавливает исследователей, не видящих иных способов привести все многообразие социальной реальности в какую-то устойчивую систему смыслов и форм.

Как представляется, это большая проблема для науки – определиться с прогнозом: не получим ли мы по следам нынешней глобализации, содействующей унификации государственного порядка и не ставящей формальных препятствий развитию политических возможностей общества, новый перекоп в состоянии социально-политических систем, каких уже немало было за последние триста лет мировой истории и которые каждый раз заканчивались насилием обществ над своими государствами. Собственно, пресловутые «цветные революции» в разных частях света выглядят сегодня как «проба общественных сил перед грядущим более масштабным социальным натиском на государственное начало в организации современной цивилизации.

С государством исследователям всегда проще. Эта простота находит своеобразное выражение в многообразии теорий, трактующих природу государственного порядка с позиции разных наук. Заметим, что в арсенале у современной науки оригинальных теорий усовершенствования общества существенно меньше, чем теорий усовершенствования государства, представления о способах построения правового государства при всей их недостаточности обладают гораздо большей чет-

костью, чем представления о способах построения гражданского общества, в России, например.

История политических и правовых учений, которую читают в российских вузах, представляет собой практически в чистом виде изложение теорий появления, развития и изменений государственного порядка. То же самое можно сказать и о большинстве вузовских курсов по истории России. Государство выглядит более доступным для выделения в его структуре и свойствах типичных черт, по которым его можно сравнивать с другими системами, с его же прежними состояниями и, таким образом, относительно достоверно прогнозировать его будущее.

Для науки такое прогнозирование жизненно необходимо. В социальных системах типические черты выделить трудно, и сама процедура такого выделения (связанная, например, с популярными делениями современных обществ на развитые и развивающиеся, традиционные и модернизированные, органичные и «расколотые и т. д.) у самих исследователей обычно вызывает много нареканий. А без такого рода обобщений трудно свести воедино научные представления о том, как и куда движется и движется ли социальная конструкция. Перспектива развития современных социумов прогнозируется менее определенно, чем перспектива государств, и в этом смысле с данной областью политического процесса, как представляется, связано гораздо больше политических и общекультурных рисков, чем со сферой развития государства.

Вторая проблема связана с тем, как современная наука понимает, что такое прогресс. Тот самый, который должен осуществиться по ходу российской модернизации и привести нашу страну к новому качественному состоянию всех политических, экономических, правовых и культурных параметров. Формально вопрос выглядит решенным.

В европейском научном сообществе давно сложился консенсус относительно того, что именно прогресс государственного начала социально-политической системы олицетворяет прогресс вообще, и именно этот консенсус делает приемлемым использование правового государства в качестве базового критерия для определения завершенности либо незавершенности модернизационного процесса (во всяком случае, в его политическом измерении).

Проблема этой версии в том, что существует парадоксальная тенденция, которую можно проследить в политической истории многих стран, включая Россию. История российских реформ 1990-х гг. только лишней раз подтвердила существование такой тенденции. Государство легче прогрессирует при регрессе общества, движимое возможностью поставить на первое место собственные интересы и направить на их реализацию всю совокупность собственных и общественных ресурсов.

Это не означает, что государство в таком режиме прогрессирования получает результаты большие, чем в том случае, когда оно развивается во взаимодействии с обществом. Речь идет именно о *легкости прогрессирования*, поскольку во главе прогресса встает, как правило, государственная бюрократия и все преобразования осуществляются «сверху» в административно-командном режиме, а общество не имеет возможности оказывать эффективное сопротивление такому реформированию. Легкость прогресса обеспечивается тем, что государство выступает в качестве единственной революционной силы. Но это же дает возможность государству ограничить прогресс рамками собственных интересов.

И правовое государство наиболее полно воплощает суть как раз этой тенденции. Государственное законотворчество, как ничто другое, способствует возможности остановить прогрессирование социально-политической системы на том уровне, который выгоден для государства, и вместо политики реформ, например, перейти к политике контрреформ.

В российской истории от эпохи реформ Петра I, через многочисленные реформы времен Александра I и Николая I, Великие реформы второй половины XIX столетия и «Столыпинские» реформы к реформам советской эпохи и до наших дней это хорошо заметно. Каждый раз, когда российская государственная власть проявляла намерение стимулировать политический, экономический и культурный прогресс и встать для этого в своих действиях на твердую почву законов, побороть традиции государственного управления «по обычаю» и связанные с ними коррупцию и клановость политической элиты, она с относительной легкостью достигала этого. Прежде всего, как представляется, именно благодаря тому, что общество, начинавшее участвовать в инициативах государственной власти на основании правил, написанных этой властью, приходило в состояние социокультурного раскола. Эти правила не могли соответствовать тем нормам, которые консолидируют социум.

Сегодня среди исследователей пользуется популярностью объяснение специфики исторического пути России и ее нынешнего состояния ссылками на то, что в нашей социальной системе постоянно происходили внутренние расколы. Характерно, что при описании динамики этих расколов исследователи обычно идут от анализа одних масштабных государственных «реформ сверху» к анализу других. Здесь действительно обнаруживается связь. Опираясь на бюрократический аппарат, который становился главным проводником законодательных инициатив, государственная власть побуждает и общество вести политическую игру и, вообще, жить только по своим правилам.

В этом смысле правовое государство можно рассматривать как идеал состояния социально-

политической системы и как фактор прогресса демократии только в том случае, если мы имеем в виду, что общество (как это имело место во многих европейских государствах и в Северной Америке) уже заняло в политической игре выгодную и прочную позицию, осознало свои отличия от государства интересы и возможности и всегда готово стать противовесом государственной активности в политике.

Без соблюдения этого условия правовое государство становится инструментом усиления бюрократического контроля над обществом и разрушения связей, скрепляющих социальный организм. Правовое государство, таким образом, может послужить не только индикатором нынешнего состояния российского общества, его готовности, либо неготовности к включению в модернизационный процесс. Это еще и индикатор тенденций, на основании которых можно судить о том, насколько у российского общества вообще реальна перспектива восстановить ту целостность, которая была разрушена либеральными реформами и которая сегодня исследователями выдвигается в ряд значимых условий успешного завершения модернизации в России.

Примечания

- ¹ Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2. С. 14.
- ² См.: Бобкова М. С. Периодизация западноевропейской истории в сочинениях мыслителей XVI–XVIII ве-

УДК 32.019.5 – 053.81

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ: СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассматриваются основные трактовки понятий «глобализация» и «глокализация», их соотнесение друг с другом и возможности использования для анализа информационных процессов и медиасреды в современных условиях. Автором предложено собственное понимание роли процессов глобализации и глокализации в контексте эволюции представлений о политическом и информационном суверенитете.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, информационное пространство, политический суверенитет, информационный суверенитет.

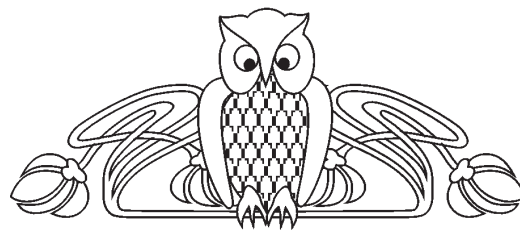
Globalization and Glocalization: Coordination of Notions.

A. V. Rossoshansky

The article considers the main understanding of the globalization and glocalization notions, their coordination and possibilities for analysis

ков // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 109–126.

- ³ В конце прошлого века известный специалист по геополитике Жак Аттали прогнозировал, что век наступающий будет временем «неокочевников». Он имел в виду определенную комбинацию основных тенденций в развитии мировых миграционных процессов, суть которой состоит в том, что сливаются два уровня стимулов к массовым миграциям. Один уровень стимулов формирует хроническая нищета большинства стран «третьего мира», и массовая эмиграция в развитые страны Запада становится своеобразным историческим реваншем «третьего мира» над бывшими колониальными метрополиями. Другой поток формируется на уровне политических, экономических и культурных элит. Богатые собственники и топ-менеджеры, обладатели эксклюзивной интеллектуальной собственности в условиях унификации систем обмена информацией и управления социально-политическими и экономическими системами свободно мигрируют по планете вслед за движениями капиталов. Причем современная виртуализация процессов в финансовой сфере создает для такого рода миграций очень благоприятные условия, делает их в полном смысле массовыми. Таким образом, формируется совершенно новая стратегия социальной стратификации, следствием которой является изменение самого смысла, который сегодня наука вкладывает в понятия «общество» и «элита» (см.: Халидов Д. Ш. Глобализация и миграция. Уроки Запада // Обозреватель / Observer. 2012. № 2. С. 7).
- ⁴ См.: Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель / Observer. 2012. № 3. С. 38.

of information processes and mass media in modern conditions. The author has offered his own understanding of globalization and glocalization processes role in the evolution of understanding of the political and informational sovereignty.

Key words: globalization, glocalization, information media, political sovereignty, information sovereignty.

Одним из новых и неустоявшихся понятий, используемых в политической науке, является «глокализация». Появилось оно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. как реакция исследователей на критику процессов глобализации¹. Для обозначения диалектической взаимосвязи между глобальными и локальными процессами английский социолог Роланд Робертсон предложил такую модель, которая могла бы объединить одновременное